

РЭЙ ХАРТ

Он приехал , чтоб добиться её любви

ГОРЯЧИЙ СЫН
МОЕЙ ПОДРУГИ

18+

Рэй Харт

Горячий сын моей подруги 2

<https://litres.ru/73955506>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года назад Марина оставила в Греции не только море и солнце. Она оставила там девятнадцатилетнего Платона — сына своей лучшей подруги. Ту запретную любовь, после которой она клялась забыть всё.

Теперь у неё спокойная жизнь, достойный жених, планы на свадьбу. Она почти научилась не вспоминать. Почти.

Но в её офисе появляется новый сотрудник. Молодой, дерзкий, невыносимо красивый. И от его взгляда у неё подкашиваются колени, а тело предательски жаждет его прикосновений.

Теперь у неё есть два месяца до свадьбы. Жених, который её не слышит. Подруга, которая молчит о сыне. И любовник, который готов перевернуть её мир.

Но какой ценой?

Рэй Харт

Горячий сын моей подруги 2

Глава 1. Два года спустя. Москва, ноябрь

Я проснулась от будильника в 6:45, как всегда.

Тело сработало раньше сознания: рука потянулась к телефону, отключила сигнал, ноги сами опустились на холодный пол. В спальне было сухо от батарей — в Москве уже включили отопление, хотя за окном ещё не было минуса.

Я стояла перед зеркалом в ванной, чистила зубы, смотрела на своё отражение и ничего в нём не узнавала.

За два года я почти не изменилась внешне. Те же глаза — карие, с мелкими морщинками в уголках, когда я улыбаюсь. Та же тонкая талия — пилатес три раза в неделю. Те же руки — без колец, без загара, без следов чужих поцелуев. Только внутри меня — внутри всё выгорело.

В первое время после возвращения из Греции, я не спала.

Буквально. Я ложилась в десять, ворочалась до трёх, вставала в шесть. Пила кофе литрами. Тональный крем слоями, чтобы скрыть мешки под глазами. Коллеги часто спрашивали: «Марина, ты заболела?» Я отвечала просто: «Бессонница, врачи говорят это от стресса».

Никто не знал, что у моего стресса было имя — Платон.

Я видела его во всех похожих фигурах. В мужчинах на улице — если спина широкая, если шаг размашистый, если волосы тёмные и чуть вьются. Я оборачивалась. Сердце билось как бешеное. А потом незнакомец поворачивался, и это был не он. Конечно, не он.

В метро я плакала всего один раз. Сидела на скамейке, ждала поезд, и вдруг в динамиках заиграла песня — греческая, медленная, с бузуки. Откуда она взялась в московском метро, в семь утра? Я не знала. Но слёзы потекли сами, и я не могла их остановить. Люди проходили мимо, пожилой мужчина спросил «вам плохо?», я помотала головой, выбежала на улицу и больше не заходила в тот день в метро.

Я старательно пыталась забыть Платона всеми способами.

Сменила любимые духи. Купила новое постельное бельё — идеально белое, строгое, без намёка на страсть. Убрала с полки книгу которую брала с собой в тот злосчастный отпуск, которую так и не прочитала, в самый дальний ящик комода. Под одежду. Под старые джинсы. Я старалась спрятать свои воспоминания.

Но всё это не помогало.

Я перестала ходить в рестораны, где подавали морепродукты. Перестала пить белое вино — только красное, терпкое, без той сладковатой лёгкости, которая напоминала о террасе. Перестала носить льняные платья с открытой спиной. Теперь в моём гардеробе были строгие брючные костю-

мы, водолазки, закрытые лодочки.

Коллеги говорили мне постоянно: «Марина, ты так похудела». Андрей Владимирович — мой начальник, говорил: «Ты слишком много работаешь, возьми отпуск».

Отпуск я не брала.

Потому что тогда, нужно было куда-то ехать. А уехать я хотела, только в одну страну.

В Грецию.

На работу я приходила к девяти.

Мой рабочий офис на Патриарших — это высокие потолки, итальянская мебель, запах свежесваренного кофе из автомата в коридоре. Я работаю старшим менеджером по развитию. Это звучит довольно солидно. На самом деле означает просто бесконечные таблицы, переговоры, отчёты, презентации, которые даже никто не смотрит.

Я справлялась. Я всегда справлялась.

Первые месяцы после Греции я зарывалась в работу с головой, как в болото. Оставалась допоздна, брала проекты на выходные, вызывалась лететь в командировки в любую дыру, только бы не оставаться наедине с собой вечером в холодной квартире, одинокой разведённой женщины.

Потому что вечером всегда, когда я ложилась в постель, моё тело начинало вспоминать.

Его руки. Его язык между моих ног. Его голос: «Кричи, пусть слышат».

Я кончала сама, ласкала себя пальцами, закрыв глаза и кусая подушку. А потом лежала в темноте и ненавидела себя за то, что не могу его забыть. Не могу отпустить. И не могу заменить.

Через полгода я решила, что с меня хватит.

Я записалась к хорошему психотерапевту. Женщина с тёплыми глазами и кольцом на среднем пальце спросила: «Что вас привело?» Я ответила: «Не могу забыть человека, с которым провела всего девять дней».

— Нет десять дней, — поправила я себя.

— Какая разница?

— Разницы нет.

Психотерапевт сказала: «Расскажите о нём». Я рассказала. Всё. Без цензуры. Про дверной проём, про душ на пляже, про то, как он в первый раз вошёл в меня, а я дрожала как девственница. Про то, как я учила его целоваться. Про то, как он сказал: «Теперь ты моя».

Психотерапевт слушала молча, она была настоящим профессионалом и ни разу не покраснела от моих подробных эротических описаний, наших занятий любовью с Платоном. Потом сказала:

— Вы влюблены в него до сих пор, моя дорогая.

— Нет, нет, нет, — соврала я.

— Тогда зачем вы здесь?

Я не пришла на вторую сессию.

А через полтора года после Греции случился Андрей.

Точнее, Андрей Владимирович. Мой начальник. Сорок пять лет. В разводе уже более 6 лет. У него была дочь-подросток, которая живёт с бывшей женой в Питере. Он высокий, ещё достаточно крепкий, лёгкая седина на висках, всегда носит дорогие часы и никогда не повышает голос. Ни на меня, ни на кого бы то ни было в нашем тихом офисе.

Мы начали встречаться через два месяца после того, как он пригласил меня на ужин после корпоратива. Я согласилась — потому что устала быть одна. Потому что тело требовало мужского тепла. Потому что если не сейчас, то когда?

Он не был похож на Платона. Ничем. Это меня и успокаивало. Совсем другой тип — спокойный, предсказуемый, безопасный. С ним не надо было прятаться. С ним не надо было бояться, что наш союз могут осудить. С ним можно было обсуждать отчёты и ходить в рестораны, где подают стейки, а не морепродукты.

Наш первый поцелуй случился в машине. Он подвёз меня до дома, наклонился, поцеловал в губы. Аккуратно. Без языка. Я закрыла глаза и представила другого.

Первый секс был ровно через два месяца. Всё произошло в его квартире — очень большая, с видом на Москву-реку, с плотным запахом табака, от которого я иногда кашляла. Андрей оказался достаточно опытен в постели, но — как мне показалось — немного ленив. Он знал, куда нажимать, но не спешил. Не горел от страсти. Не задыхался от желания.

Он вошёл в меня, когда я была уже достаточно влажной, но не от его ласк — от моих собственных воспоминаний. Двигался размеренно, спокойно, как будто ничего особенного между нами не происходило. Как будто мы были женаты десять лет. Я смотрела в потолок, гладила его спину и разочарованно понимала: оргазма не будет.

Он кончил. Поцеловал в плечо, влажными губами.

Сказал: «Ты прекрасна».

Я улыбнулась.

«Врушка», — подумала я, голосом Платона.

Но ответила: «Спасибо».

С тех пор мы встречаемся иногда по субботам. И занимаемся сексом раз в месяц, в лучшем случае. Андрей часто уезжает к дочери в Питер. И мы с ним проводим вместе, не так много времени как бы я хотела. Но постоянно видимся на работе, но там, мы играем свои роли, я его подчинённая, он мой начальник. После секса он заказывает ужин из ресторана, мы смотрим фильм, и я засыпаю у него на плече, чувствуя себя скорее удобной кошкой, чем любимой женщиной.

Я так ни разу не кончила с ним.

Я имитирую. Мне жутко стыдно и неприятно и я, порядком устаю от этой игры. Стоны, выдохи, напряжение бёдер — всё, что нужно для мужского «я сделал её счастливой». Андрей верит мне безоговорочно. Потому что в сорок пять лет уже не хочется выяснять, настоящий ли оргазм у партнёрши или поддельный.

Я иногда думаю: «А если бы я сказала ему правду? Если бы попросила делать иначе? Направляла его, как учила Платона. Тут слегка медленнее. Там чуть грубее. Мы трахались бы по другому?»

И тут же понимаю: я не хочу учить его. Не хочу ничего объяснять. Ведь мне тогда придётся сказать, что до этого, я лживо притворялась. Откуда я знаю, что такое «по-настоящему»? От девятнадцатилетнего парня на песчаном пляже, который впервые в жизни спал с женщиной и делал это так, что я кричала во всё горло.

Нет. Лучше уж буду молчать.

Предложение он сделал через пол года наших нечастых встреч.

Всё произошло так же как и с бывшим мужем. Ресторан. Шампанское. Кольцо с бриллиантом в полтора карата, — идеальная огранка, идеальный размер. Андрей встал на одно колено прямо в зале, и вокруг заплодировали незнакомые люди.

Я смотрела на него. На его седину. На его дорогой костюм. На серьёзное, почти равнодушное лицо.

Я должна была сказать «да». Он хороший человек. Надежный. Любит меня — насколько вообще способен любить мужчина, который двенадцать лет был в браке и вышел из него без единого скандала. С ним мне не будет больно. С ним будет спокойно. С ним можно состариться.

«А с Платоном?» — спросил мой внутренний голос.

С Платоном было бы больно, страшно, неправильно, стыдно, невозможно. С Платоном пришлось бы потерять лучшую подругу — Ларису. С Платоном я была бы стареющей женщиной на фоне его цветущей молодости. С Платоном у меня не было будущего.

Я улыбнулась. Кивнула.

— Да, Андрей. Я выйду за тебя.

Он надел кольцо мне на палец. Я посмотрела на бриллиант — такой холодный и прозрачный. Он переливался в свете ресторанных ламп.

«Как моя новая жизнь», — подумала я.

Свадьбу решили отпраздновать, через три месяца. Потом Андрей перенёс на два — он сказал, что не хочет ждать. Я не спорила. Мне было всё равно.

Я рассказала Ларисе о помолвке по видеозвонку.

Подруга обрадовалась. Сказала: «Наконец-то, Марин! Я так за тебя рада! Покажи кольцо». Я достала его из коробочки, показала. Лариса ахнула: «Какая красота! Он молодец».

И ни слова о Платоне.

За два года Лариса ни разу не упомянула имя сына в разговоре со мной.

Ни разу.

Я сама не спрашивала. Я очень боялась. Что услышу в ответ? Что он нашёл девушку? Что он женился? Что он — что? — спрашивал обо мне?

Нет. Лучше ничего не знать.

Я сама не задавала вопросов. Когда Лариса рассказывала про свою жизнь — про Янниса, про соседей, про нового кота, про ремонт в ванной — я слушала, кивала, смеялась в нужных местах. Но внутри замирала: «Сейчас. Сейчас она скажет. Сейчас она обязательно упомянет его».

Лариса упорно не упоминала.

Только однажды, почти год назад, она оговорилась. Скачала: «Мы с Яннисом и Пла...» И замолчала. Замерла на секунду. Потом продолжила: «Мы с Яннисом ездили на материк, покупали оливковое масло».

Я сделала вид, что не заметила.

А ночью опять не спала. Ворочалась. Думала: «Значит, она действительно всё знает... И теперь избегает говорить о сыне, чтобы не сделать мне больно».

Или чтобы не сделать больно себе. Лишний раз вспоминая, что её лучшая подруга совратила молодого сына.

Я не знала, что из этого хуже.

Сейчас, спустя два года, я стою перед зеркалом в ванной, чищу зубы и готовлюсь к очередному рабочему дню. На моём лице — маска спокойствия. А в груди — огромная дыра.

Я выхожу из дома в 8:15. Подхожу к метро. Захожу в вагон, сажусь, достаю телефон. Всё делаю механически, как привыкла.

Новое сообщение от Ларисы: «Привет, солнце! Как дела? Скоро свадьба, я жду билеты! Обнимаю».

Я печатаю: «Всё хорошо. На следующей неделе обязательно вышлю. Целую».

Я хочу добавить: «Как Платон? Он тоже приедет?» — стираю. Хочу спросить: «Он помнит обо мне?» — стираю. Хочу написать: «Я всё ещё люблю твоего сына» — вновь стираю и убираю телефон в сумку.

Поезд несётся по тоннелю. В вагоне пахнет потом и дешёвой парфюмерией. Напротив сидит девушка лет двадцати, целуется с парнем, не стесняясь людей.

Я смотрю на них и чувствую, как ноет что-то глубоко внутри.

Мне скоро сорок. Я невеста хорошего человека. У меня будет стабильный брак, уютная квартира, возможно, ребёнок — если Андрей захочет и я смогу его зачать.

Я больше никогда не услышу «Кричи, пусть слышат». Никто не будет целовать мою шею так, чтобы я задыхалась от страсти. Никто не скажет: «Ты моя» — и не будет иметь в виду это буквально.

Поезд останавливается. Я выхожу, поднимаюсь по эскалатору.

На улице идёт снег — первый в этом году. Крупные хлопья падают на моё чёрное пальто, тают, оставляют мокрые пятна.

Я поднимаю лицо к небу и закрываю глаза. Снег приятно касается моих век, губ, щёк.

Холодный. Мокрый.

Как греческое море.

Я открываю глаза, поправляю сумку на плече и решительно иду к офису.

Моя свадьба через два месяца. Жизнь продолжается. Даже когда внутри тебя — зияет огромная дыра.

Глава 2. Неожиданное объявление

Наша переговорная комната на Патриарших, привычно пахнет кофейной гущей и перекисью водорода — уборщица перестаралась с дезинфекцией после чьей-то простуды. Я сижу на своём обычном месте, справа от окна, откуда видна тёмно-серая стена соседнего здания и кусок неба, который ноябрь затянул ватным одеялом. Восемь пятьдесят девять. Катя уже листает распечатки, Игорь гремит клавиатурой, Леночка из финансов что-то увлечённо строчит в телефоне. Обычное утро. Обычный понедельник.

Андрей заходит ровно в девять. Без опозданий, без раннего появления — он не любит выделяться. И не любит нарушать привычный распорядок дня. Синий пиджак, белая рубашка, часы с чёрным циферблатом, которые он крутит на запястье, в то время, когда ждёт ответа на свой вопрос. Сегодня он не крутит. Сегодня он спокоен настолько, что я списываю это на хорошо проведённые выходные.

— Доброе утро, — голос ровный, без эмоций. — Начнём. Я открываю ежедневник на недельном развороте. Моя

чёрная гелевая ручка, оставляет жирные следы на бумаге — я всегда нажимаю слишком сильно. В углу страницы нарисован крошечный квадратик, напоминание: «четверг, 20:00, примерка». Примерка платья, но я не пишу «платья», потому что боюсь сглазить. Или потому что боюсь самого слова.

Андрей листает слайды. Проектор моргает, попеременно освещая из полумрака лица: Катина заинтересованность, у Игоря привычная скука, и моя маска вечной внимательности, которую я ношу так долго, что она кажется уже приросла к моей коже. Цифры текут по экрану, графики ползут вверх, планы на квартал расписаны до последней запятой. Я слышу знакомые термины, киваю в нужные моменты, но мысли мои — на полпути между четвергом и бездной.

Уже на этой неделе я встану перед зеркалом в модном салоне на Тверской. Продавщица с идеальным маникюром будет затягивать тугую шнуровку на спине, и я подумаю: «Сто сорок тысяч рублей за пять метров кружева, которые я надену один раз». Я выбрала это платье одна, потому что Андрей был в это время в срочной командировке. Я стояла перед зеркалом, поворачивалась то левым боком, то правым, и чувствовала себя не невестой, а простой покупательницей. Вот товар. Он подходит по размеру. Спасибо, я его беру.

Андрей наконец закрывает презентацию. Делает паузу — три секунды, которые я не замечаю. Потом говорит:

— Прежде чем мы перейдём к операционным вопросам, я хочу сделать небольшое объявление. Через два месяца мы

с Мариной планируем пожениться.

Я замираю на месте, как статуя. Он не говорит «женимся». Он говорит «планируем пожениться». В этой формулировке есть что-то канцелярское, будто речь идёт о бюджете на корпоратив. Я смотрю на его лицо — оно не изменилось. Ни улыбки, ни торжественности.

В переговорной тихо. Кто-то — кажется, Игорь — издаёт короткий смешок удивления. Катя поворачивается ко мне, и её глаза становятся большими, круглыми, как у ребёнка, который увидел фокус. Лена первой начинает хлопать — методично, как метроном. К ней присоединяются остальные.

Аплодисменты. Пять секунд. Потом Андрей поднимает ладонь в жесте «спасибо, достаточно», и звук хлопков резко гаснет.

Я чувствую, как к щекам приливает кровь. Это не смущение — смущение предполагает сладость, лёгкое замешательство, которое можно смахнуть улыбкой. Нет. Это жар. Сухой, колючий жар, как перед обмороком. Мои пальцы нащупывают край стола, чтобы за что-то ухватиться. Я не была готова к такому.

— Марина, покажи кольцо! — Катин голос прорывается сквозь шум в ушах.

А кольца нет. Я не надеваю его на работу — так же, как не надеваю выходные платья и туфли, в которых больно ходить. Кольцо лежит в коробочке на туалетном столике, между серебряными серьгами, которые подарила мама, и часами, ко-

торые я купила себе после развода. Кольцо кажется чужеродным предметом на моей руке. Слишком тяжёлое. Слишком блестящее. Слишком обязывающее.

— Забыла дома, — говорю я, и голос звучит сухо.

Андрей бросает на меня короткий взгляд. В нём нет раздражения. Нет обиды. Только лёгкое, едва уловимое недоумение — как будто я пропустила графу в пустяковом отчёте.

Потом кто-то пожимает мне руку через стол. Игорь говорит: «Поздравляю, Марина». Я киваю. Леночка уточняет: «А дата когда?» Я отвечаю: «Двадцатое января». Голос ровный, как у Андрея. Я тоже могу учиться. Также практикуюсь в отстранённости.

— Коллеги, вернёмся к плану, — говорит он, и все послушно переключаются обратно на слайды.

Катя смотрит на меня. Я отвожу глаза. Не сейчас. Пожалуйста, не сейчас.

— И ещё, — Андрей переключает слайд, и на экране появляется чёрно-белое фото какого-то мужчины. Я даже не смотрю. — В среду к нам присоединяется новый сотрудник. Старший системный аналитик, — он называет имя и фамилию, я её не слышу, потому что в ушах шумит кровь, от нахлынувшей злости.

— Я ждал этого человека больше года, — продолжает Андрей. — Переговоры были непростыми. Отличные рекомендации, европейский опыт. Надеюсь, коллеги, вы встретите

его как положено.

Катя толкает меня локтем в бок. Её голос — горячий, заговорщический шёпот:

— Слышала? Больше года ждал. Он просто красавчик, даже на фото. Или гений. Или то и другое. Надеюсь, не женат.

Я не смотрю на фото на экране. Внутри меня нет ни капли любопытства. Только досада. И сожаление о том, что я не надела сегодня кольцо, потому что теперь Катя будет задавать неудобные вопросы.

В наш часовой обеденный перерыв мы сидим в кофейне через дорогу. Катя пьёт капучино с сиропом, я — пустой американо. Горький. Как я люблю. Я научилась пить такой, после отпуска в Греции.

— Почему ты не носишь кольцо? — спрашивает Катя без предисловий.

Я делаю глоток. Кофе обжигает нёбо. «Вот настырная!» — досадно думаю я.

— Я его вечно теряю. Дома кладу в одно место, а потом не могу найти. Лучше уж пусть до свадьбы лежит в шкатулке.

— А в шкатулке не потеряешь?

— Определённо нет.

Катя смотрит на меня поверх чашки. Её взгляд — очень внимательный. Она не из тех, кто верит в случайные отговорки.

— Ты вообще его носишь? Только честно.

— Когда мы куда-то идём вместе.

— На работе, значит нет?

— На работе мне кольцо мешает. Я много печатаю.

— Бред, — Катя отставляет чашку. — Марина, что происходит?

Я могла бы рассказать ей всё. Про Платона. Про девять ночей, которые перевернули мою жизнь. Про оргазмы, которых не было ни с одним мужчиной до и после. Про то, как я стою под душем и плачу, потому что тело помнит его любовь, а разум не может забыть. Про кольцо, которое я надеваю, только когда Андрей рядом, и сразу снимаю, как только захлопывается дверь за его спиной.

Вместо этого я просто улыбаюсь.

— Всё хорошо, Кать. Ты же знаешь, я не люблю публичность.

Она не верит мне. Но она отступает.

Вечер. Ресторан с белыми скатертями и свечами, которые никто почему то не зажигает. Андрей заказал стейк, себе — двойной виски, мне — красное полусладкое, хотя я просила сухое. Официант приносит бутылку дорогого итальянского, и я сразу делаю первый глоток. Слишком сладко. Приторно. Как и наша помолвка.

— Ты мог бы меня предупредить, — говорю я, вертя бокал за ножку. Вино плещется о стенки, оставляя тёмные следы.

— О чём? — Андрей поднимает глаза от телефона.

— О том, что будешь объявлять о свадьбе при всех.

Он кладёт телефон на стол экраном вниз — жест, который я видела в книгах по психологии. «Я слушаю тебя. Я здесь». Но глаза его смотрят сквозь меня.

— А что тут предупреждать? Мы женимся. Это уже не секрет.

— Для меня это был наш секрет. До того, как ты открыл рот.

Он отпивает виски. Ставит стакан на стол, поворачивает так, чтобы след от губ был строго сбоку. Аккуратный мужчина. Привык, чтобы всё лежало на своих местах.

— Марина, до свадьбы осталось два месяца. Нужно рассаживать гостей, заказывать банкет, печатать приглашения. Ты не решаешь эти вопросы, потому что, цитирую твою любимую фразу, «ещё есть время». А времени у нас уже почти нет. Я рассказал коллегам, чтобы они не спеша планировали свои наряды и подарки на нашу свадьбу. Вот и всё.

Я молчу. Дышу носом. Чувствую себя облитой грязью, совершенно без причины. Он не сделал ничего плохого, это я воспринимаю его действия в штыки.

Андрей смотрит на меня очень долго. Его взгляд — спокойный, как вода в тихом пруду.

— Ты не хотела, чтобы они знали?

Я могла бы ответить правду. «Я не знаю, хочу ли я вообще за тебя замуж». Но правда — это роскошь, которой я давно не пользуюсь.

— Хотела, — говорю я. — Просто не так.

— А как?

Я не знаю, как. Может быть, когда я сама решу, что готова, всем рассказать. Может быть, никогда. И это «никогда» — самое честное слово в моей голове.

Он отодвигает тарелку. Стейк съеден наполовину. Я не помню, когда он начал есть. И когда сама положила в рот первый кусок.

— Я улетаю в Питер, — говорит он. — София заболела. Температура очень высокая, бывшая супруга в панике.

Я автоматически киваю. Даже если бы он сейчас сказал мне, что убил на выходных десять человек. Внутри меня образуется — неприятный холод. Нет, это не ревность. Я не ревную его к дочери. Я ревную его к той жизни, в которой он нужен кому-то. Где его отсутствие заметно. Где его приезд — настоящее событие. А моя жизнь пустышка. И даже он своим присутствием, не заполнит мою дыру в груди.

— Ты вернёшься через два дня? — спрашиваю я, потому что должна это спросить.

— Посмотрим.

Посмотрим. Я уже ненавижу это слово. Оно будет повторяться. Всю нашу жизнь.

Он заказывает такси — мне до дома, а потом сразу в аэропорт. Мы едем молча. Он пишет сообщения бывшей жене — я вижу край экрана, синие галочки, иероглифы семейной заботы, которые мне не прочитать.

Возле моего дома он целует меня в руку. Сухо. Коротко. Как целуют коллегу, с которой подписали успешный контракт.

— Позвони, когда прилетишь, — говорю я.

— Хорошо.

Дверь закрывается. Такси уезжает.

В лифте я смотрю на своё отражение в зеркале. Женщина в чёрном пальто. Губы без помады. Глаза затуманенные. На безымянном пальце невидимая тяжесть — которую никто не видит, кроме меня.

В квартире я снимаю сапоги, ставлю их в шкаф. Включаю свет в прихожей, он мне кажется слишком резким, после вечернего города. Прохожу на кухню, наливаю воды из кувшина. Пью стоя, глядя в окно на фонари, сквозь красивую и дорогую тюль.

Телефон вибрирует. Я вздрагиваю от неожиданности. Это Лариса: «Марин, привет! Прости, что так поздно. Когда будут билеты? Я уже не могу ждать, так хочется тебя обнять».

Я печатаю: «Завтра куплю. Целую».

И снова — пауза. Курсор моргает в строке ввода, приглашая задать вопрос, который я мысленно задаю уже два года.

«Как Платон?»

Стираю.

«Я всё ещё не забыла твоего сына».

Стираю.

«Я чертовски плохой человек, Лара. Прости меня.»

Снова всё стираю.

Кладу телефон экраном вниз. Так же как и Андрей. Жест, который я переняла у него, сама не заметив этого.

В спальне я сажусь на край кровати. Расстёгиваю пуговицы на блузке — одну, вторую, третью. Снимаю её через голову. Остаюсь в лифчике и юбке. Долго сижу, не двигаясь, как будто ужин отнял у меня все последние силы.

Мы ведь с Андреем ни разу не сказали друг другу «я тебя люблю».

Это понимание приходит неожиданно, как озарение. Словно тупой удар в самую грудь. Встречи, ужины, секс по расписанию. И ни одного признания. Ни с его стороны. Ни с моей.

Он сдержанный, рациональный. Он выражает свою привязанность делами — билетами в театр, кольцом с бриллиантом, коробкой конфет без повода. Потому что он такой. Слова для него — лишнее.

Люблю ли я его? Я задаю себе этот вопрос в темноте спальни, когда выключаю ночник. И ответа нет. Есть благодарность за проведённые вечера. Есть привычка к его присутствию. Есть страх одиночества, который гонит меня в его объятия. Но любви — той, после которой ты не просто идёшь к нему на встречу, а бежишь сломя голову — нет.

И сегодня я впервые радуюсь нашей сдержанности.

Потому что если бы он сказал «я люблю тебя», мне пришлось бы ответить. А я не умею врать в глаза.

Я ложусь на подушку. Смотрю в окно. Подтягиваю ноги к груди и обнимаю колени руками.

Завтра примерка платья. Послезавтра к нам в офис придет новый сотрудник. И ни то ни другое, не заполнит пустоту в моей груди.

Я закрываю глаза и проваливаюсь в сон без сновидений.

Глава 3. Неудобное платье

Из офиса я выхожу ровно в семь. Снегопад закончился ещё днём, но Москва не успела его проглотить — серые сугробы лежат вдоль бордюров, грязные, рыхлые, похожие на старый пенопласт. Я заказываю такси через приложение, сажусь на заднее сиденье, называю адрес свадебного салона на Тверской. Водитель кивает, включает приёмник — оттуда льётся попса, которую я не слушаю. Я вообще ничего не слушаю. В ушах кровь шумит ритмично, как поезд в тоннеле.

Четверг, 20:00 — запись в ежедневнике. Примерка свадебного платья.

Я не хочу туда ехать. Я хочу домой, в темноту, в свою квартиру, где никто не посмотрит на меня оценивающе и не потребует улыбаться. Но платье висит в салоне уже две недели, и продавщица сказала: «Приезжайте, проверим длину, может, ушьём». Длина. Какая разница, какая длина, если это платье я надену один раз и больше никогда не захочу его больше видеть?

Такси останавливается у яркой витрины. Внутри — манекены в кружевах, фата, похожая на облако, подсветка, которая делает каждую ткань почти святой. Я расплачиваюсь, выхожу. Снег под ногами хрустит — мерзлота.

В салоне тепло и пахнет ванилью. Продавщица — женщина лет пятидесяти с гладким пучком на затылке и родинкой над губой — встречает меня у входа с профессиональной улыбкой.

— Марина, здравствуйте! Мы вас ждали. Платье готово, примерочная свободна.

Она ведёт меня в глубь зала, мимо рядов с белыми и кремовыми платьями. У меня платье цвета шампань — Андрей сказал, что белое мне не идёт. «Ты тёплая, тебе нужны бежевые оттенки», — заявил он тоном, не терпящим возражений. Я не спорила.

Продавщица достаёт мой заказ из прозрачного чехла. Кружево, шёлк, корсет на косточках, пышная юбка, которую нужно носить с кринолином. Я смотрю на это и не узнаю себя в этой вещи. Я не ношу пышных юбок. Я не ношу корсетов. Я ношу брючные костюмы и водолазки. Они прячут меня от любопытных глаз. Делают меня невидимкой.

— Помочь вам? — спрашивает продавщица.

— Нет, я сама.

Примерочная достаточно тесная. Три зеркала с разных сторон — чтобы видеть себя со всех ракурсов. Я раздеваюсь медленно, как перед казнью. Снимаю блузку, юбку, кол-

готки. Остаюсь в белье — чёрном, удобном, и совершенно несексуальном. Беру платье за плечи, ступаю в него ногами. Ткань холодная, скользкая, искусственная.

Корсет не застёгивается. Точнее, застёгивается, но я не могу дотянуться до верхних крючков. Приходится позвать продавщицу. Она входит, как медсестра в операционную — деловито, без лишних эмоций.

— Дышите, — говорит она, затягивая шнуровку. — Я пока не сильно зашнурую, потом посмотрим.

С каждым её движением мои рёбра сжимаются. Я дышу поверхностно, грудью, потому что животу не хватает места. Корсет впивается в талию, подмышки, в бока. Платье тяжёлое — я чувствую каждый слой ткани, каждую складку.

— Повернитесь.

Я поворачиваюсь. Зеркала показывают мне женщину в свадебном платье. Совершенно незнакомую мне.

Кружево на рукавах — красивое, тонкое, французское. Юбка ложится мягкими волнами. Корсет делает талию осиной. Я выгляжу... правильно. Так, как должна выглядеть невеста. Но внутри — меня растёт протест. Как будто это платье надето на манекен, а я сижу где-то в углу и наблюдаю за примеркой со стороны.

— Как вам? Нравится? — спрашивает продавщица.

Я молчу. Потому что «нравится» — неправильное слово. Это как спросить у заключённого, нравится ли ему камера.

— Нормально, — говорю я.

Она кивает, будто такой ответ слышит каждый день.

— Длину нужно ушить на два сантиметра. И бюст немного великоват.

— Ушивайте.

Она помечает булавками подол, я стою неподвижно, как примерный солдат. В кардигане, который висит на крючке, вибрирует телефон.

— Извините, — говорю я, вытаскивая трубку. Это Андрей.

— Привет. Как примерка? — его голос сухой, короткий. Говорит, как докладывает на планёрке. Даже не спрашивает, могу ли я сейчас говорить.

— Нормально. Будут ушивать длину.

— Хорошо. София пока спит, температура спала, я решил сразу позвонить тебе. Марина, я вернусь послезавтра, скорее всего.

— Хорошо, — повторяю я за ним, как эхо.

— Ты не расстраивайся, что я не приехал, на примерку. Но ты должна понять, что здоровье дочки для меня важнее.

— Я понимаю.

— Я всегда знал, что ты очень мудрая женщина, Марина.

Он произносит это как комплимент. Как награду за то, что я не устраиваю ему сцен. А внутри меня что-то сжимается — не от обиды, а от собственной трусости. Я не скандалю, потому что мне всё равно. Если бы я его любила, я бы кричала. Я бы требовала. Я бы ревновала, потому что он был нужен

мне больше, чем ей. Но я упорно молчу.

— Пока, Андрей. Береги себя, — говорю я.

— Пока, и ты.

Он отключается первым. Как впрочем и всегда.

Я смотрю на телефон. Экран гаснет. В отражении зеркала — стою я в свадебном платье, с трубкой в руке. Смешно. До слёз смешно.

Продавщица заканчивает с булавками, выпрямляется. Смотрит на меня в зеркало.

— Вы какая-то грустная, — замечает она.

— Устала.

— Невеста не должна уставать за два месяца до свадьбы.

Невеста должна сиять.

«Сиять». Я смотрю на своё лицо. Ни одного лучика счастья.

— Скажите, — спрашиваю я вдруг, потому что нужно спросить у кого-то постороннего, у человека, который видит сотни невест в год, — а это нормально? Что платье... меня душит?

Я вижу по её глазам — она понимает мой вопрос. Понимает именно то, что я пытаюсь спросить между строк.

— Знаете, — она поправляет складку на юбке, не глядя на меня, — так оно обычно и есть в жизни. Платье, как и брак — душит и часто бывает неудобно. Но мы же всё равно его надеваем. Потому что это красиво и необходимо. Потому что его все надевают. Потому что очень страшно остаться

одной на этом свете. А почему, мы все это делаем, тут у каждого свои причины. Редко здесь стоят невесты, выходящие замуж по большой любви. Часто — это деньги, положение, желание всю жизнь от кого-то зависеть и очень редко настоящая любовь. Не всем везёт найти любовь в этом жестоком мире, дорогая моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.